

«ПУСТЬ БУДЕТ ЖИЗНЬ БЕССМЕРТЬЕМ!»

(воспоминания о Б.И. Скворцове)

Б.И. Скворцов

...Поздний летний вечер, пристань на Волге, отчаливший теплоход, уходящий в Астрахань.

Мы провожаем Виталия Зайчикова, который после окончания консерватории проработал год в должности преподавателя и, рассудив по-житейски, — «чести много, денег мало», — уезжал из Саратова. Прощались мы шумно, но всех перекрывал голос Бориса Скворцова: «Заяц, пиши! Не забывай!...» В избытке чувств и горечи расставания он увидел висящий колокол и несколько раз отчаянно и звонко ударил. В вечерней темноте раздались беспорядочные колокольные звуки... И вдруг притихшая было пристань ожила, звонко застучали каблуки матросов, милиции и других работников порта. Оказывается, сам того не ведая, Борис подал сигнал тревоги...

Вот так, хоть и без колокольного звона, Борис прощался всегда. С последними рассказами и стихами, присказками и байками, рекламными и придуманными историями.

А сейчас он ушёл. Навсегда. Не простившись, как это было обычно. Не смогли и мы, его друзья, коллеги, сказать ему последние слов прощания и признательности за его такую яркую и такую наполненную жизнь. Думаю, что для него, привыкшего быть в центре внимания и событий, это было тяжело.

Болел он долго, но мы не могли достучаться в дверь его квартиры, не могли дозвониться. Семья закрыла все возможные пути общения с ним. Семья похоронила его, не сообщив о его кончине в консерваторию, с которой связана вся его жизнь. Ведь без консерватории невозможно представить студента первого приема по специальности «баян», затем первого заведующего кафедрой, профессора Саратовской консерватории — Бориса Ивановича Скворцова.

Он был старшим на нашем курсе. Когда вам восемнадцать, а вашему коллеге двадцать пять, да ещё если он так много знает обо всем и готов поделиться любой информацией, вы естественно сразу воспринимаете его как лидера. На нашем курсе Бориса выделял не возраст, а его, казалось, энциклопедическая осведомленность, открытость, доступность, неукротимая энергия и активность. Лишенный чувства какой-либо авторитарности он всегда был равным среди равных. На нашем курсе был еще один «старичок» — Вячеслав Белоусов, поступивший в консерваторию после службы в армии. На вступительных экзаменах он источал чувство некоего превосходства, потому что уже поиграл в армейском ансамбле песни и танца. Он был ещё в военной форме и на лице его была лёгкая недоступность и надменность. Ког-

да мы стали студентами, вся эта внешняя атрибутика растворилась в дружеских и искренних отношениях нашего курса. Шесть студентов класса баяна, открытого в Саратовской консерватории в 1956 году, должны были первыми утверждать право баяна быть принятым в семью высшего музыкального учебного заведения. И было это совсем непросто в силу объективных условий. Не было преподавателей по специальности, не было оригинального репертуара, отсутствовали критерии художественной целесообразности в переложениях классической музыки, в постановке исполнительских задач, наконец, сам баян в те годы был конструктивно несовершенным инструментом. Класс в подвальном помещении, который сейчас не используется даже в хозяйственных целях, стал местом нашего постоянного общения. Но эта «приземленность» нас нисколько не смущала. Первый росток народных инструментов в консерватории набирал силу и давал глубокие корни, а ветви этого деревца находились, по нашему убеждению, в концертных залах, в театрах города, классах пианистов, скрипачей, вокалистов. Как-то так само собой получилось, что негласным лидером курса стал Борис Скворцов. Трудно было его представить без толстого свёртка свежих газет, которые он читал постоянно, делая пометки на полях. Политика, культура, спорт, экономика, судьбы простых и выдающихся людей — ничего не ускользало от его внимания. Его цепкая память наполнялась всевозможной информацией, которой он щедро делился с однокурсниками и со всеми людьми, с которыми он общался.

При этом он никогда не демонстрировал чувство собственного превосходства, не был назойливым, навязчивым. Наоборот, хотелось быть с ним рядом, слушать, узнавать, думать. Быть среди людей, быть для них – это стиль его жизни.

В книге Ю. Ястребова «Владимир Бесфамильнов» цитируются воспоминания В. Бесфамильнова о саратовском периоде обучения в музыкальном училище: «В Саратове увлекался стрельбой из пневматической винтовки. Даже в тире выигрывал призы. У Бориса Скворцова была своя винтовка. Он жил на квартире. Мы, любители пострелять на интерес, частенько забегали в его частный «Саратов-тир», называемый сокращенно Сартир...» Кстати, с этой винтовкой связана история, которую Борис, с присущим ему чувством «правдивого» юмора, рассказывал сам, уже будучи педагогом консерватории. Жил он тогда в общежитии (здание, которое находится во дворе за церковью «Утоли моя печали»): «Выглянул в окно. На мусорных ящиках кричали вороны, а за ними через дорожку на скамейке возле дома сидели и тихо беседовали пенсионеры. Решил распугать ворон, взял винтовку (ту самую, пневматическую), прицелился и выстрелил. И вдруг – поднялся крик, люди вскочили со скамейки, я понял, что случилось что-то непредвиденное. Быстро спрятал винтовку. Позже узнал, что промахнулся и попал пенсионеру в глаз. А глаз... оказался искусственным, стеклянным». Вот так – хотите верьте, хотите – нет... Присущее ему чувство юмора, кстати, далекого от какой-либо вульгарности, часто вносило легкую разрядку при обсуждении самых серьезных вопросов, профессиональных проблем.

Время и ситуация были такими, что мы не могли их не обсуждать. Инструмент – с ограничен-

ными возможностями, требования – вузовские, одаренность – интуитивная, знания – недостаточные, желание учиться – огромное. И, конечно, на нашем юношеском, незрелом еще фоне Борис выделялся широтой интересов и знаний. Правда, сразу нужно оговориться, что он не был исполнителем и не имел к этому основательных предпосылок. Как студент он справлялся с зачетными и экзаменационными требованиями по специальности, но совершенно не был приспособлен к концертным сольным выступлениям.

Консерватория формировала его как разносторонне образованного, мыслящего масштабно педагога. Он не нуждался в каком-либо стимулировании со стороны, он создавал себя сам. Не испытывая никаких затруднений в освоении дисциплин учебного плана, он успевал заниматься множеством других дел. Поэзия Евтушенко, Рождественского, Ахматовой, Хайяма была известна ему не понаслышке. Множество стихов этих и других авторов он читал наизусть. Из его рук мы получили самиздатовскую перепечатку романа запрещенного тогда А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Эта кричащая несправедливостью и жестокостью правда заставляла задуматься о реальностях жизни и о лицемерном фасаде общества, провозгласившего себя лучшим и передовым в мире. Сейчас, по прошествии более полувека со времени нашего поступления в консерваторию, оценивая годы, приходит ясное осознание, что именно тогда формировались и утверждались традиции новой кафедры, в основу которых был положен своеобразный кодекс профессиональной чести студента. Именно баянисты первого набора – Вячеслав Белоусов, Валентин Дудкин, Виталий Зайчиков, Валерий Ломако, Борис Скворцов, Евгений Фимин – стали законодателями неписанного сво-

да правил поведения, отношения к учёбе. Непосредственное отношение к формированию этого «устава» имел, как старший, и Борис Скворцов. Естественно, что эти правила были нам неизвестны заранее и никогда, ни в какой обстановке напрямую не обсуждались и не утверждались. Складывалась ситуация, когда не правила определяли нормы поведения, а наоборот – правила рождались в процессе отношения к студенческим обязанностям, к занятиям по специальности и другим дисциплинам, к формированию человеческой и творческой личности.

При всем разнообразии характеров первых студентов кафедры, очень скоро они стали единой учебной группой, единым, сплоченным, искренним и дружным коллективом. Исправно посещая занятия по специальности, мы очень скоро убедились в том, что наши ожидания и представления об уровне консерваторских занятий не оправдываются. Именно это понимание целей обучения заставило нас самостоятельно заниматься больше. И на этом фоне родилась идея создать ансамбль. Так в консерватории появился секстет баянистов, у которого не было творческого руководителя, но были инициаторы творческого объединения Борис Скворцов и Вячеслав Белоусов. Секстет просуществовал все пять лет обучения и прекратил свою работу в связи с отъездом его участников в разные города после окончания консерватории – Е.Фимина – в Волгоград, В.Дудкина – в Орджоникидзе (ныне Владикавказ), а через год В.Зайчикова – в Астрахань. В ансамбле, как в специальности, нас объединила высокая творческая планка, и это увидела и оценила «академическая» консерватория, постепенно пересматривавшая своё отношение к баяну. Перед госэкзаменом секстет консультировал профессор, пианист А.О. Сатановский.

Курс наш был очень дружным, способным оценить и принять роль индивидуальности, и решительно исключить малейшее проявление индивидуализма. Цементировал наши отношения Борис Скворцов. Он искренне восхищался игрой своих однокурсников, а позже достижениями студентов идущих за нами младших курсов. А в какой восторг он пришёл, когда услышал сочиненные В. Зайчиковым вариации на тему известной «Семёновны»! На кафедре формировалось уважение к творческим достижениям сокурсников, коллег. Достойным подражания, но не зависти была исключительная пальцевая беглость Евгения Бесфамильнова, сочетание блестящей техники с мудрой музыкальностью В. Никиточкина, успех С. Гениуша на Всесоюзном уровне, масштабность в работе В. Ушенина и А. Маркова, огромный успех А. Сенина на международном конкурсе «Кубок

мира» в Нью-Йорке. По поводу последнего в областной газете появилась большая статья Бориса Скворцова «Восхождение», в которой наряду с рассказом о конкурсе, он охарактеризовал ступени роста, отметив огромную работоспособность Сенина, обширность репертуара, новые способы игры по пятипальцевой системе, наличие современного многотембрового готово-выборного баяна. Эта статья – своеобразная реклама достижения студента, новых методов работы, характеризующих наступление нового этапа в развитии баяна.

Борис Иванович был прекрасным рассказчиком, потому что он всегда имел информации гораздо больше, чем ожидалось. Его лекции о народных инструментах, о баяне носили форму рассказа, в котором докладчик передавал своё неповторимое видение темы, как будто пережитой им лично.

После окончания консерватории не обсуждался вопрос о том, кто должен возглавить новую кафедру – конечно это был Борис Иванович Скворцов. Теперь ему предстояло объединять студенческий коллектив, ставить задачи повышения профессионального уровня, укреплять законы честности, порядочности, уважительности. Изменился статус вчерашнего студента Скворцова, но не изменилась его человеческая суть. По-прежнему он не расставался с фотоаппаратом. Он фотографировал всегда, везде – на лекциях, на концертах, на лыжной прогулке, на телевидении, на отдыхе, в поездах. Он раздавал фотографии в огромных количествах и никогда не говорил, сколько это стоит и когда он умудряется их печатать. Он был бессеребренником и никогда не искал преимуществ для себя за чей-то счёт. Его день рождения был 23 ноября, у Дудкина 29 ноября, у

меня 4 декабря. Чтобы не собирать-ся три раза Борис предложил отмечать три дня рождения один раз – 29 ноября. Как правило, он варил ведро холодца, которое, конечно, не могло быть съедено. И на следующее утро Борис раздавал в больших количествах свой холодец уборщикам. День рождения не был поводом выпить и поесть. Кстати, несмотря на то, что мы были обычными и здоровыми молодыми людьми, употребление спиртного негласно не приветствовалось, и этот закон никем во время учебы не был нарушен ни разу. Дни рождения для нас – это горячие споры, громкая битва за отстаивание или доказательство своей точки зрения.

Раньше других Борис начал культивировать игру на правой клавиатуре баяна пятью пальцами, что по тем временам выглядело революционно и сметало устоявшиеся представления об игре на баяне. Он прошёл через опыты ее применения сам, а потом это стало одним из его педагогических принципов. Как исследователь, он изучал все возможные и невозможные варианты аппликатуры на трехрядной правой клавиатуре, играя хроматическую гамму в унисон пятью пальцами подряд. Мне кажется, что на этом пороге рождения новых принципов игры, он не учитывал, что новая аппликатура обязательно должна привести к другой постановке руки. Он играл ми-бемоль мажорный этюд Листа, придумывая новую аппликатуру в быстрых последовательностях секстовых интервалов. Всю госпрограмму по специальности он играл на основе новых представлений и, хотя мы отговаривали его, он настоял на своем, потому что свято верил в будущее этого направления. Потом появилась брошюра А. Полетаева о пятипальцевой игре на баяне, а потом ученики Скворцова-педагога с блеском доказали верность и перспективность новой аппликатуры. Лучше других овладели новой аппликатурой В. Ушенин, А. Марков, А. Сотников.

Важным его педагогическим принципом было обучение баянистов на основе классической музыки. Оригинальных сочинений для баяна было крайне мало, а обработки народной музыки по своим художественным достоинствам не всегда соответствовали уровню вузовского образования.

В классе Скворцова звучали произведения Баха, Генделя, Корелли, Листа, Мендельсона, Шопена, Бетховена. Рахманинова, Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Щедрина, Хачатуряна. В репертуар включались также произведения Чайкина, Мяскова, Репникова, Шишакова, Кравченко.

Борис Иванович любил давать произведения крупной формы – сонаты, концерты, вариации, сюиты. При этом сложность музыки, ее объем, длительная работа над переложением не всегда и не всем студентам его классу позволяли выносить на экзамены работу в завершенном виде. Это отмечалось при обсуждениях, с чем он соглашался, но продолжал придерживаться своего направления в учебном репертуаре студентов. Понимая необходимость появления новых оригинальных сочинений для баяна, Борис обратился к саратовским композиторам. Так появился Концертный триптих М. Симанского и Сюита Е. Гохман.

В 1965 году и мне довелось сыграть Концерт для баяна с симфоническим оркестром М. Симанского, который был сочинен не без влияния Скворцова. Дирижировал наш бывший однокурсник Владимир Игнатев. Эти произведения отмечались новой фактурой, гармонией, интонационным строем и требовали от исполнителя совершенного и виртуозного владения исполнительской техникой. Совсем непростыми в техническом плане были и сочинения студента класса Скворцова Константина Савцова.

Произведения для баяна И. Яшкевича, В. Подгорного, А. Тимошенко, В. Золотарёва ставили перед исполнителями новые задачи, и, понимая это, Борис Иванович всячески поддерживал желание студентов играть новый репертуар. Это было тем более ценно, что новая музыка не везде воспринималась как явление достойное. В журнале «Народник» № 1 за 1998г. есть такая фраза: «Воистину, только настоящий художник может увидеть и по достоинству оценить талант современника!» Мне кажется, что эти слова сказаны и о Скворцове. Педагог Вл. Золотарёва В.А. Лесной о своем ученике: «Тогда плохо понимали его, потому что это было ново, музыка необычная. Я помню, что лучше всех отнёсся к Славе Виктор Арсентьевич Никиточкин из Хабаровского училища. А в основном, были нелестные отзывы, его музыку называли белибердой, говорили, что никто это играть не будет. Во время его выступлений некоторые в жюри криво усмехались»... Прочитав эти строки и разделив огорчение педагога, я искренне порадовался за кафедру Саратовской консерватории, потому что В. Никиточкин – её выпускник. А формировал эту кафедру и отбор творческих и художественных ценностей её первый заведующий – Борис Иванович Скворцов.

Особенно ярко деятельность кафедры была отмечена, когда по инициативе ректора консерватории Л.Л. Христиансена на саратовском телевидении в прямом эфире в течение двух лет были проведены занятия Школы игры на баяне. Содержание урока разрабатывалось Борисом Скворцовым и печаталось в областной газете «Заря молодежи». Практические занятия в эфире проводили Вячеслав Белосусов и Виктор Болдырев. Приходится лишь сожалеть сейчас, что материалы занятий в собранном виде не были опубликованы отдельным сборником и не стали

свидетельством активной методической работы кафедры.

На протяжении более полувекового знакомства и совместной работы в консерватории Борис Скворцов ассоциируется у меня с образом человека активного, увлеченного, энергичного, эрудированного, общительного, одновременно делающего несколько дел. Принимая зачеты или экзамены на кафедре, он мог внимательно читать газеты, делать пометки, отпускать какие-то шуточки, записывать и объявлять программы. В обсуждениях он всегда отмечал самое существенное, при объявлении оценок делал для студентов обстоятельный и подробный анализ их выступлений. Работая в консерватории с большой учебной нагрузкой, заведую кафедрой, являясь членом Совета консерватории и т.д. и т.п., он занимался строительством дома, возглавив правление ЖСК. Наш курс единственный в консерватории прошёл обучение по программе военной кафедры (!) и в течение месяца находился на военных сборах в Куйбышевской (Самарской) области. Пришлось бы нам тяжело от непривычной и, как говорят, солдатской муштры, если бы среди нас не присутствовал свой Василий Тёркин – Борис Скворцов. В фотографии он – летописец студенческих и творческих событий на кафедре, в консерватории, или художник, которого интересует вид утренней зимней консерватории, снятой через ажурную ограду Липок и причудливый узор покрытых инеем веток деревьев. А с каким упоением и серьезностью он занимался вокалом! В утренние часы, когда студентов было мало, можно было слышать громкие гаммы, арпеджио и упражнения то ли баритона, то ли тенора с искусственно «округлённым» тембром. Борис говорил, что ему удалось поднять свой диапазон на малую терцию.

Цель этих занятий, которым он уделял так много времени, так и осталась для нас загадкой. Может это было эхо военных лет, когда мальчишкой он пел в госпиталях освобождённого Сталинграда...

Особое пристрастие он питал к шахматам, которые привлекали его очевидно как вид спорта, в основе которого лежит интеллект человека. Об этом можно было догадаться, когда он рассказывал о своей армейской службе, где старшина, писавший служебные записки без знаков препинания и без перерывов между словами не однажды делал ему замечания: «Скворцов, опять шахматы!» В разные годы его кумирами были чемпионы мира поощий В. Смыслов, загадочный Р. Фишер, молодой и непредсказуемый М. Таль, В. Корчной, А. Карпов...

Заведую кафедрой, Борис Иванович сумел создать монолитный коллектив единомышленников, который объединен не по принципу цехового признака, а по общности интересов, целей и действий, взаимоповижения. Мы не знали чувства зависти, карьеризма, «независимости», проявлений подлости и какой-либо нечистоплотности в отношениях друг к другу. Действия коллектива и каждого педагога были открытыми, и, как теперь говорят, прозрачными.

Дирижирование на кафедре, наряду с другими педагогами, вёл Герман Васильевич Калентьев. Студенты относились к нему с огромным уважением и охотно посещали его занятия. Музыкант с многолетним стажем работы в оркестре, игравший под руководством выдающихся дирижеров не просто знал, а слышал партитуры огромного количества оркестровых сочинений в их реальном звучании. Сам он обладал очень выразительной и естественной дирижерской техникой. Он учил не только пластичности жеста, дви-

жения, но больше пониманию содержания, характера, взаимосвязи музыкальной речи и контраста, напряжения и кантилены. Его занятия органично дополняли занятия по специальности, а иногда заменяли их, потому что он учил слушать и слышать Музыку. Когда я спросил ныне дирижера симфонического оркестра, Заслуженного деятеля искусств РФ, а в прошлом студента моего класса, а потом класса композиции, Аркадия Фельдмана о том, где он научился так превосходно дирижировать, он ответил мне: «Так я ведь три года проучился на кафедре народных инструментов и прошёл у Г.В. Калентьева общий курс дирижирования. Другие студенты просто посещали его занятия, а я учился». И действительно в дирижировании А. Фельдмана по жестам, манере поведения можно увидеть его педагога по дирижированию. Борис Иванович, как все первые студенты, был учеником Г.В. Калентьева и впоследствии сам становился к дирижерскому пульту. Его бурная творческая натура искала выхода. После окончания консерватории он никогда не выступал в качестве солиста-баяниста. Он восторженно поддерживал всех, кому это было дано трудом и даром небес. Но сам не владел тем комплексом способностей, который необходим для публичного сольного выступления. Прекрасно владея речью, он вполне комфортно чувствовал себя в качестве лектора, был надёжным партнером в ансамбле баянистов и на определенном этапе жизни дирижирование камерным оркестром баянистов стало еще одним способом самовыражения его вдохновенной и яркой художественной личности. И в дирижировании его творческое кредо представлено крупными полотнами – шесть Концертов А. Корелли, шесть Концертов Г. Генделя,

В.А. Моцарт – Симфония № 40, Л.Бетховен – «Кориолан», «Эгмонт», Концерт № 1 для фортепиано.

В классе профессора Скворцова Бориса Ивановича прошли обучение около ста студентов. Каждый из них достойно представляет кафедру народных инструментов Саратовской консерватории. Если отметить на карте страны, города, где они работают, то среди них будут Москва и Ташкент, Киев и Петрозаводск, Астрахань и Житомир, Нальчик, Самара, Йошкар-Ола, Липецк... перечислить все невозможно. Пройдя обучение в классе одного педагога, выпускники Скворцова Б.И. оказались такими разными! Объединяет их педагогическая работа, к которой они относятся с энтузиазмом своего педагога. Они так же деятельны, как их педагог. Они утверждают в повседневном труде те художественные ценности, которые нужны людям и в праздники и будни.

Первым в 1963 году ярко заявил о себе студент IV курса Сергей Гениуш, ставший победителем Всесоюзного смотра-конкурса в Москве. В сочинениях зазвучало творчество Константина Савцова, затем Владимира Гальчанского. Успешно работают в высших учебных заведениях доцент Александр Сотников и профессор, Заслуженный артист РФ Владимир Ушенин. Высокий уровень в исполнительской деятельности отмечен званием Лауреата международных фестивалей Владимира Лейко и Лауреата Всесоюзного конкурса Александра Маркова, работавшего и Министром культуры Ставропольского края. Проректором Российской Академии Музыки им. Гнесиных работает профессор, кандидат педагогических наук, Заслуженный деятель искусств РФ Александр Базиков. Можно назвать еще мно-

жество достойных имен достойного педагога – профессора Бориса Ивановича Скворцова. Всех их объединяет, то, что в каждом из них бьется частица сердца их замечательного Учителя.

Уходя, он всегда любил читать стихи. А сейчас – не успел. И в память о нём пусть прозвучат стихи Владислава Золотарёва:

Свобода ваша – небо!

Счастье ваше – звёзды!

Стремитесь, люди, к звездам!

Парите выше неба!

Пусть будет совесть солнцем!

А разум – океаном!

Пусть будет жизнь

бессмертьем!

Любовь же не обманом!

Студент первого приёма по классу баяна, однокурсник

Б.И. Скворцова,
коллега по работе,

профессор
В. Ломако

